

18+

ЧАСЫ: ПРОГУЛКА СКВОЗЬ ВЕКА, МГНОВЕНИЕ, ДЛЯЩЕЕСЯ ВЕЧНОСТЬ

Современная проза и поэзия

НАТАЛЬЯ ЧЕРВЯКОВСКАЯ

Наталья Червяковская

**Часы: прогулка сквозь века,
мгновение, длящееся вечность.
Современная проза и поэзия**

«Издательские решения»

Червяковская Н.

Часы: прогулка сквозь века, мгновение, длящееся вечность.

Современная проза и поэзия / Н. Червяковская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696104-3

Книга «Часы: прогулка сквозь века, мгновение, длящееся вечность» повествует о всепоглощающей любви молодого доктора Романа и его прекрасной жены Ксении, сражённой тяжёлым недугом. История о муже, самоотверженно сражавшемся за её жизнь. Мистический детектив, в котором главная героиня, исследуя прошлое, раскрывает тайну своей прапрабабушки — загадочной княгини Натальи Кирилловны. И всё это — под властью времени, которое способно замедлить свой бег, растянув мгновение на полтора столетия.

ISBN 978-5-00-696104-3

© Червяковская Н.
© Издательские решения

Содержание

Часы – прогулка меж веков, мгновение, длящееся вечность	6
Ответ искала в прошлой жизни – о судьбе своей	13
Путешествия не линяют с годами. Чёрно-белый кот и старушка с рюкзаком	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Часы: прогулка сквозь века,
мгновение, длящееся вечность
Современная проза и поэзия**

Наталья Червяковская

© Наталья Червяковская, 2026

ISBN 978-5-0069-6104-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часы – прогулка меж веков, мгновение, длящееся вечность

Песок веков течёт сквозь циферблат,
Мгновенье раздувается в бессмертье.
Он ловит взором призрачный наряд
Её видений в лунном круговертье.
Там, в глубине чужих и хрупких снов,
Где правда обнажается до дрожи,
Он ищет ключ от таинства оков,
Что сковывают души под прихожей.

Она скользит слезой по стеклу дня,
Пугливым отраженьем в окнах зданий.
Её шаги – беззвучие огня,
Тревожный ритм несбывшихся свиданий.
Пусть жизнь разводит судьбы и мосты,
Сплетая нити в горестный орнамент,
За каждым поворотом пустоты
Судьба готовит новый злой экзамен.

Всё от любви – и пепел, и расцвет,
Герои те же: он, она и третий лишний.
Тот, кто пришёл на зов или на свет,
В плену страстей и кармических сетей.
Зачем мечты ведут жестокий спор,
Скрываясь в прятки за спиною рока?
Не слыша нас, выносят приговор,
Когда до счастья – лишь наклон потока.

Опять кольцо сомкнулось в тесный круг,
Где страсть и долг сошлись в немом капкане.
Тот, чей привет ласкал и грел, как друг,
Исчез в густом, утреннем тумане.
Он принимал чужой устав за щит,
Смирял свой дух велением устоев,
Но сердце в тесной клетке так кричит,
Не в силах больше притворяться вдвое.

И нет вины на ком-то в этот час —
Лишь жернова вращаются сурово.
Всё то, что так святило прежде нас,
Лишь эхом отзывается на слово.
Играет ветер маской золотой,
Где близость рая мнилась неизбежной,
Но тень ложится горькой полосой

На пепелище нежности безбрежной.

Бывает всё от пламени любви,
Но лишь до точки, до конца страницы.
Зачем судьба в разгаре всей крови
Стирает наши чувства и границы?
Её закон – безжалостный чертёж,
Где нам притока воздуха не светит.
Любовь – мгновенье, кратковременный дождь,
Мираж небес в земной юдоли дали.

Столько тем было затронуто, но тревожит лишь одна: почему порой жизнь наша складывается не так, как хотелось бы? Словно какая-то неведомая сила ставит подножку, обстоятельства резко меняются. Ты смиряешься, находишь покой и даже начинаешь прекрасно жить в новых условиях – и тут в твою размеренную жизнь врывается тот, кто не появился тогда, когда был так нужен. Почему этот человек опаздывает на целые годы? Зачем он возникает именно тогда, когда всё уже сложилось без него?

И это не просто позднее появление. Это – тот, кто путает планы и подменяет людей. Его приход похож на подмену деталей в отлаженном механизме: вроде бы похоже, но всё начинает скрипеть и работать на износ. Он приносит с собой шум прошлого, обещания, которые потеряли срок годности, и альтернативную версию твоей же жизни, которая могла бы быть. И ты, против воли, начинаешь тратить время на эту игру в «что, если». Ты сравниваешь, примеряешь, взвешиваешь. Теряешь дни и недели на внутренние дебаты, в которых нет и не может быть победителя.

Это становится самым изощрённым испытанием. Не испытанием боли, а испытанием твоего здравомыслия. Испытанием на ловкость ума и стойкость духа. Ведь нужно разглядеть суть: а не является ли это вторжение всего лишь отвлекающим маневром? Яркой, шумной мишенью, которую выставляют на самом интересном участке твоего пути, чтобы ты свернул с него и потратил силы на погоню за призраком? Чтобы ты отвлёкся от чего-то истинно важного, что как раз сейчас требует всей твоей сосредоточенности? Легко принять эту бурю чувств за судьбу, когда на деле это может быть лишь буря в стакане, искусно созданная, чтобы ты расплескал воду.

И тогда вопрос смещается. Он больше не «почему он сейчас?». Он становится жёстче и обращается вовне, в пустоту, из которой приходят такие сюжеты: кто это посылает нам? Кто устраивает эти точечные, болезненные удары по швам нашей устроенности?

Если это жизнь, то она оказывается не учителем, а скорее циничным режиссёром, проверяющим сценарии на прочность. Если это мы сами, наше подсознание, то что оно хочет доказать? Что мы не заслужили покоя? Или что наш покой слишком хрупок, если его может разрушить гость из прошлого? А если это просто слепая игра случая, то она невыносимо жестока в своём безразличии.

Но, возможно, ответ – тот, кто это посылает, не хочет ни учить, ни наказывать. Он, она, оно – просто вскрывает. Как вскрывают конверт. Твоё спокойствие, твоя «прекрасная жизнь» в новых условиях – это был конверт, аккуратно заклеенный. А этот человек – лезвие. Он при-

ходит не для того, чтобы остаться внутри. Он приходит, чтобы вскрыть и обнажить текст, который был написан внутри всё это время.

И текст этот – не о нём. Он – о тебе. О том, было ли твоё смирение принятием или капитуляцией? Был ли твой покой миром или затишьем? Твоя сложившаяся жизнь – это прочный фундамент или просто удобная клетка, в которую так вовремя явился этот ключ, чтобы проверить, захочешь ли ты выйти? Он путает планы, потому что твои планы, возможно, стали слишком тесны для твоей же души. Он подменяет людей, потому что старые роли, которые ты раздал окружающим и себе, устарели.

Он отнимает время, да. Он заставляет тебя потерять счёт дням в этом смятении. Но, быть может, это и есть то важное, на что стоит отвлечься? Не на него, а на тот внутренний переворот, который он вызывает. Это потерянное время – не украденное. Это инвестированное. Вложенное в переоценку всего, что ты считал незыблемым.

Тот, кто посылает такие испытания, знает одну истину: удобная жизнь – не всегда верная жизнь. Иногда нужен взрыв из прошлого, чтобы будущее не было построено на компромиссе с самим собой. И этот человек – не ответ. Он – детонатор. Вопрос в том, что взорвётся: твоя текущая реальность или те стенки, что ты неосознанно выстроил вокруг своих прежних, ещё живых, но усыпленных желаний.

Ты теряешь время, чтобы найти не его, а себя в новом контексте, где он – лишь часть уравнения, а не его решение. И в этом, возможно, весь смысл послания.

Занимался рассвет – и каждый раз он был особого цвета. Сегодня это был цвет тлеющей меди, пробивавшейся сквозь пелену низких, не желавших отступить ночных облаков. Роман вернулся с дежурства усталый, с лёгким ознобом в теле, и застал молодую жену в гостиной. Она сидела, поджав ноги, в большом кресле, а с её колен медленно сползал на ковёр старинный журнал в кожаном переплёте с потускневшим тиснением.

Она явно замёрзла, но, погружённая в чтение, не замечала этого. Плечи были напряжены, а кончики пальцев, лежавших на пожелтевших страницах, отливали лёгкой синевой. Молча Роман взял с дивана мягкий шерстяной плед и накрыл её. Только тогда Ксюша вздрогнула и подняла на него глаза – огромные, тёмные, не спавшие всю ночь.

– Опять ты не сомкнула глаз, – произнёс он без упрёка, с тихой усталой тревогой.

Его Ксю. Ей было двадцать четыре, но её интересы лежали в плоскостях, давно забытых ровесницами. Она любила старинные журналы, ветхие альбомы с фотографиями незнакомых людей, чьи судьбы растворились в прошлом веке. Порой ему казалось, что она из другой эпохи – будто потерялась в этом шумном, стремительном городе и теперь инстинктивно искала щели, дыры во времени, чтобы вернуться домой. И вот снова она погрузилась в это странное занятие, уйдя в него с самого вечера.

Роман наклонился, поцеловал её в макушку, уловив запах старой бумаги и лёгких духов с нотой фиалки. Взгляд его машинально скользнул по раскрытой странице. Дореволюционный технический журнал. Статья рассказывала о братьях Бутеное – Иване и Николае, основателях известной московской фирмы, что производила часы и башенные куранты. Но внимание Романа приковала не история успеха, а фотография.

Братья сидели в строгих, но дорогих костюмах, с безупречными бородами и серьёзными лицами. Однако в их глазах, зафиксированных старинным объективом, читалось не просто деловое рвение. Это были взгляды созидателей, мечтателей, смотревших далеко вперёд. Их лица, красивые и в своём роде современные даже сейчас, словно излучали спокойную уверенность в будущем, которое они строили. Лица людей, знавших цену времени – не только в механическом, но и в историческом смысле. Они запечатлели мгновение, но создали нечто, пережившее эпохи.

Ксюша проследила за его взглядом.

– Они ведь не просто часы делали, – тихо сказала она, проводя пальцем по краю страницы. – Они создавали ритм. Для всего города. Чтобы все могли сверять свою жизнь с одним большим циклом. Это же красиво.

Она говорила с тихим жаром, и Роман вдруг понял: её ночные бдения – не бегство. Она искала в прошлом ту самую размеренность, тот ритм, что был утерян в хаотичном биении современного мира. Тот самый цикл, с которым можно сверять собственную жизнь.

Рассвет за окном окончательно победил ночь; медь сменилась чистым золотом, залившим комнату. Свет упал на её лицо и на лица братьев Бутеноп с фотографии. На мгновение все они – она из века двадцать первого и они из девятнадцатого – оказались в одном луче времени, такого же особого и изменчивого, как цвет утренней зари. Роман сел на подлокотник кресла, положил руку на плечо жены, чувствуя под ладонью тонкую шерсть пледа. Молчание между ними было не пустым, а насыщенным, словно страницы того журнала. Он смотрел в окно на просыпающийся город, чей ритм по-прежнему отбивали куранты, созданные теми, чьи лица смотрели на него со стола. И ему вдруг страстно захотелось спать не одному в тихой спальне, а здесь, рядом с ней, пока этот новый день медленно вступает в свои права.

– Малыш, почему ты опять не спала? – спросил Роман, его голос, сонный и тёплый, коснулся её в полутьме утра. – Давай я в душ, а ты мне приготовь завтрак. Как ты умеешь – с любовью, креативом и кулинарной выдумкой. Я возьму тебя в объятия, и мы поспим несколько часов, провалимся в сон. Но знай, малыш: я даже во сне к тебе наведаюсь. Тебе и там от меня не отделаться.

Она коснулась губами его щеки, шёпотом ответив:

– Не очень-то мне и хотелось от тебя отделаться. Иди в душ, а я приготовлю завтрак.

– Может, вместе, малыш? – игриво предложил он.

– Не-а, – качнула головой Ксю, и улыбка тронула уголки её губ. – Я накормлю тебя живо. Возвращайся поскорее.

– Ладно, ладно, вредный ты мой малыш, – сдавленно пробормотал Ромка, уже отступая к двери.

Они были женаты всего третий месяц, и этот молодой доктор рентгенолог всё ещё пребывал в сладкой эйфории медового месяца, будто каждый день был напоён её запахом – ванили, утра и чего-то безвозвратно родного.

На кухне Ксю двигалась легко, почти танцуя. Из холодильника появились яйца цвета летнего солнца, сливочный сыр, пучок зелёного лука и алые половинки черри. На сковороде захрустел хлеб, пропитываясь маслом с чесночным намёком. Пока он подрумянивался, она взбила яйца со сливками, влила их на другую сковородку, и они загустели нежным облаком, в которое она вмешала мелко порубленный лук и кусочки слабосоленой сёмги. Гренки она выложила треугольниками, на каждый – пушистую подушку скрембла, увенчала ломтиком авокадо и розеткой из помидорок. Сверху – щепотка чёрного перца и веточка укропа. Рядом, в высокой прозрачной кружке, уже дымился капучино с сердечком из пенки – Роман обожал, когда она рисует ему эти сердца.

Он вернулся, влажный, в просторной футболке, и остановился на пороге, вдыхая аромат. Завтрак был не просто едой – он был её любовью, материализованной в хрустящем хлебе, нежном омлете и этом самом сердечке на кофе.

Они ели молча, обмениваясь взглядами, иногда касаясь пальцами друг друга. Солнечный луч медленно скользил по столу, зажигая в бокале апельсинового сока искорки. Когда тарелки опустели, он просто взял её за руку и повёл обратно в спальню, в полумрак, где ещё хранилось нежность их постели.

Он обнял её сзади, прижав к себе так плотно, будто хотел стереть все границы между их телами. Дыхание выровнялось, стало глубоким и синхронным. Ксю утонула в этой безопасности, в ритме его сердца у своей спины. Сон накрыл их мягкой невесомой волной, унося вглубь, где нет времени, есть только тепло и полное доверие падению.

И даже там, в самых потаённых лабиринтах сновидений, он нашёл её – не как навязчивую тень, а как продолжение того же утра: они шли по бескрайнему полю, залитому солнцем, и он держал её руку. Не нужно было слов. Она улыбнулась во сне – от него ей и правда не хотелось отделяться. Ни здесь, ни там. Никогда.

Они познакомились чуть меньше года назад. Она пришла к нему на МРТ, охваченная страхом, – у Ксю была клаустрофобия. Он, стараясь успокоить, предложил ей фильм о природе, тихую музыку... но при виде холодной капсулы аппарата её снова сковала паника. И не без причины: на её счету были две клинические смерти. Она помнила тот бесконечный коридор, в который ей нужно было всмотреться или как-то попасть, и этот неземной, всепроникающий голос: «Рано. Уходи». Ей всегда казалось, что внутри гудящего томографа она снова проваливается в ту самую воронку ухода из жизни, и инстинкт самосохранения наотрез отказывался от процедуры. Доктор Роман посмотрел в глаза этой пациентки – и влюбился с первого взгляда. Так бывает.

А состояние при клинической смерти... Это был не сон и не забытьё. Сначала – резкий, всепоглощающий звук, будто мир рвётся изнутри, а потом внезапная, абсолютная тишина. Чувство невесомости, лёгкости невообразимой. Она не видела своего тела, но осознавала себя – чистым, ясным сознанием, парящим где-то под потолком. Впереди – длинный, залитый мягким, тёплым светом коридор. Не было страха, только безмерное любопытство и спокойствие, глубже любого умиротворения. Она двигалась или её влекло к источнику этого сияния, испы-

тывая лишь вселенскую, безусловную любовь, обволакивающую со всех сторон. И тогда – голос. Не звук, а сама суть смысла, пронизывающая всё её существо: «Рано. Уходи». И всё рушилось: свет гас, любовь отступала, а её с неумолимой силой втягивало назад, в холод, в тяжесть, в оглушительный рёв возвращающегося мира.

Обратное движение было не падением, а стремительным, неудержимым сжатием вселенной. Бархатная бездна тишины разрывалась нарастающим гулом; точка чистого осознания грубела, обретала шершавые границы, чёткую форму – и наконец, оглушительный удар. Удар вращения в плоть. В тело, которое мгновенно напомнило о себе свинцовой тяжестью костей, тупой болью в мышцах, леденящим ознобом кожи и диким, хаотичным гулом реальности. Казалось, её – невесомую, беспредельную – насильно втиснули обратно в тесную, хрупкую, невероятно сложную скорлупку. И в этой скорлупке теперь тлел немой ужас – не от памяти о том, что было там, а от нестерпимого контраста с тем, что здесь. От острого понимания, насколько условна и призрачна привычная реальность, которую мы зовём жизнью.

И теперь, глядя на узкую щель люка томографа, она знала: этот искусственный гул, эта клиническая теснота, это вынужденное оцепенение – всё это было лишь жалкой, механической пародией на подлинный порог, который ей довелось переступить. Инстинкт бунтовал не против медицинской процедуры, а против самого кощунства этого подобию, против ложного воспоминания, вмонтированного в самый тёмный угол её памяти.

Ловила жадно краткие мгновенья,
Глотки тепла и синь лесных фиалок,
Слагая в тайный сейф души бесценной
Всё то, что в лунном свете трепетало.
Она читала в кружеве парфюма
Стихи из томика – как исповедь немую,
И вечер плыл, исполненный триумфа,
Даря «спасибо» в каждом поцелуе.

Он удивлялся подлинному слогу,
Живой строке в наш век пустых материй,
И в этом видел знак, и видел Бога,
Открыв в её миры тугие двери.
Он угощал её остывшим кофе —
Красивым, горьким, с пенкой белоснежной,
Но пил с её губ нежный мягкий профиль,
Любовью заменяя вкус кофейный.

Кипела страсть – и дикая, и святая,
В их ритме зыбком сердце билось ровно.
Она ждала – не сладости, мы знаем,
А взгляда, что прочтёт меж строк дословно.
И в этой честной, чуть нескладной пьесе,
Где таяли фиалки на столе,
Они ныряли в сумрак, словно в бездну,
Став лучшей из историй на земле.

Стихи звучали музыкой молитвы,

Пока луна в густых туманах крепла,
И рушились последние защиты,
И горечь кофе превращалась в пепел.
В наш век жестокий искренность – как чудо,
Спасенье в поцелуе диком, странном.
Они сплетались в общее «откуда?»,
В любви взаимной, чистой и желанной.

Ответ искала в прошлой жизни – о судьбе своей

Доброе утро, день или вечер, родная моя, – ласково произнёс Роман, будя любимую жену. – Ну же, малыш, просыпайся...

Ксения молчала.

Он, как врач – хоть и врач-рентгенолог, – инстинктивно потрогал её пульс. Она была без сознания. «Что, чёрт возьми, происходит?» – не унималась паника внутри. Молодой человек вызвал скорую, набрал службу спасения, оделся, стремительно собрал её вещи и документы и замер в ожидании помощи, сжимая её холодную руку.

Что могло случиться с ней во сне? Что творилось у него в душе в те минуты – знал один лишь Бог.

Скорая приехала быстро, воем сирены разрывая дневную суету спального района. В уютной квартире засуетились чужие люди в униформе. Роман, отступив к стене, наблюдал, как они ловко, но грубо, перекладывали Ксению на носилки, подключали датчики, нашёптывали друг другу цифры давления и пульса. Его профессиональный взгляд автоматически цеплялся за показания на мониторе, но мозг отказывался их анализировать. Это была не безымянная карточка в регистратуре, не чёрно-белый снимок в луче света. Это была Ксения. Его Ксюша. Её лицо, обычно оживлённое даже во сне, сейчас было странно спокойным и чужим.

В машине скорой он сидел на жёстком откидном сиденье, не сводя глаз с её руки, в которую теперь была воткнута капельница. Холодный пластиковый флакон раскачивался в такт тряске. Мир сузился до этого зыбкого пространства: гул двигателя, резкий запах антисептика, мерцание экрана. Он думал о сегодняшнем утре, вернувшись с дежурства. Застал её за чтением старинного журнала – она снова не сомкнула глаз всю ночь. Нет, она даже не ждала его. Что-то тревожило её в последнее время, что-то – или кто-то – не давало покоя, заставляло искать. В голове у Романа всё кружилось, сплетаясь в тяжёлый, беспокойный клубок. Всё вокруг оставалось прежним. Без намёка, без тени. Как тихий, беспощадный сбой в отлаженном механизме жизни.

В приёмном отделении его оттеснили, засыпав вопросами, на которые у него не было ответов. «Хронические заболевания? Аллергии? Что принимала?» Он, словно на экзамене, тыкаясь в собственные пробелы, бормотал: «Нет... Не было... Не знаю». Её увезли за дверь с надписью «Реанимация», и эта дверь захлопнулась с тихим, окончательным щелчком.

Теперь началось ожидание. Бесконечное, липкое, растягивающее время в резиновую ленту. Он бродил по холодным коридорам, покупал безвкусный кофе из автомата, который не мог проглотить, уставился в экран телефона, не видя его. В голове, предательски чётко, всплывали образы из его практики: томограммы, где чёрное пятно инсульта или опухоли безжалостно пожирало извилины здорового мозга. Он гнал эти картины прочь, но они возвращались, настойчивые и неумолимые.

Через два часа вышел уставший врач, молодой, но с потухшими глазами. Роман вскочил.

– Чья супруга Ксения Сергеевна Молотова? Состояние стабильно тяжёлое. Ввели в медикаментозный сон. Проводим обследование. Предварительно – обширное субарахноидальное кровоизлияние. Причина неизвестна. Нужно готовиться к операции, если найдём источник.

– Шансы? – выдохнул Роман, и его голос прозвучал хрипло и глухо, будто из чужой глотки.

– Оперировать будем, – уклончиво сказал врач, положив руку ему на плечо. – Держитесь. Идите, оформляйте документы.

Роман кивнул, повернулся и пошёл, не разбирая пути. Оформление бумаг стало временным спасением, механической задачей, где можно не думать. Он заполнял графы твёрдым почерком, и каждая буква казалась ему гвоздём, вбиваемым в гроб его прежней жизни. Потом он сел на стул в безлюдном уголке и опустил голову на колени. Тишина вокруг была оглушительной. Он думал о том, как всего несколько часов назад её дыхание было тёплым ветерком у него на щеке. Как её рука лежала у него на груди. Теперь эту руку пронизывали трубки и иглы, а её сознание уплыло в какую-то недостижимую, тёмную глубину. И он, врач, чьи глаза обучены видеть сквозь плоть и кость, был абсолютно слеп. Беспомощен. Один на один с безмолвием, которое могло стать вечным.

Он не заметил, как наступил вечер. Окна в коридоре погрузились во мрак, за стеклами зажглись уличные фонари, отбрасывая на полированный пол длинные, тоскливо-жёлтые прямоугольники. Время в больнице текло по своим, искажённым законам – то растягивалось в тягучую, удушливую бесконечность, то сжималось в один болезненный миг: щелчок открывающейся двери, отрывистые шаги. Роман уже не ходил, а сидел, вцепившись руками в холодный пластик стула, всем существом прислушиваясь к звенящей тишине за дверью реанимации. Каждый звук – приглушённый голос, скрип колёс каталки – заставлял его вздрагивать и замирать, но мимо проходили чужие люди, неся чужую боль.

Он пристроился не у самых дверей реанимации, а чуть поодаль, в глухом углу коридора. Там и замер. В больнице живёт примета – ни врачу, ни родственнику не занимать места на пороге отделения реанимации. Это не просто суеверие, а знание, просочившееся в костяк здания вместе с запахом антисептика и тишиной ночных дежурств. Порог реанимации – не линия на полу. Это плёнка, мембрана, отделяющая один мир от другого. Тот, кто стоит на ней, разрывается. Он становится мостом, а мосты – всегда мишень для сил, что курсируют между берегами.

Говорят, стоя на пороге, ты забираешь дыхание того, кто борется внутри. Ты становишься воронкой, сквозняком в запечатанной комнате, куда может утечь последняя, едва теплящаяся искорка. Или, наоборот, втягиваешь в себя тёмный выдох небытия, ту тягучую холодную субстанцию, что клубится вокруг машин, отсчитывающих ритмы. Ты – нарушитель равновесия.

А ещё – ты становишься видимым. Для тех, кто ждёт в этой зыбкой темноте. Они толпятся у того же порога изнутри, не решаясь шагнуть в свет коридора, или, наоборот, отчаянно пытаясь прорваться назад. Стоящий на границе – как маяк. Он мелькает в их мутном зрении, привлекает внимание. К нему могут потянуться руки, за него могут уцепиться, приняв за проводника. И тогда он унесёт с собой в мир живых не то, что хотел бы. Тень. Шёпот. Неотпущенную боль.

Поэтому и встают в стороне, в глухих углах, прислоняясь к холодной стене. Не преграждать путь. Не становиться шлюзом. Дать тихому движению между мирами течь своим незаметным руслом, не обращая на себя лишнего внимания. Ждать, отвернувшись к окну, в котором темнеет безликий вечер, – это не просто жест отчаяния. Это древний инстинкт: не смотри в глаза тому, что может счесть тебя своим. Не стой на тропе, где ходят не только ноги.

Его навестила сестра Ксении, Марина. Она ворвалась в коридор запыхавшаяся, с заплаканными глазами, обняла его, что-то спрашивала скороговоркой. Роман отвечал односложно, сухими, обрубленными фразами, и вскоре она замолчала, уставившись в ту же роковую дверь. Её присутствие не принесло облегчения, лишь острее подчеркнуло одиночество. Они сидели рядом, разделённые общим горем, но каждый – заточённый в своей собственной, непроглядной клетке отчаяния. Позже она ушла, пообещав вернуться утром, и снова осталась лишь немая белая дверь с табличкой.

Ночью пришёл главный нейрохирург, мужчина лет пятидесяти с усталым, но невероятно спокойным лицом. Он говорил медленно, тщательно подбирая слова, не прячась за стерильностью терминов. Компьютерная томография и ангиография показали аневризму – врождённый дефект сосуда, бомбу замедленного действия, что тихо росла годами и наконец взорвалась. Операция необходима, и как можно скорее. «Мы постараемся клипировать её, пережать основание, чтобы исключить из кровотока. Это сложно, риски высоки, но иного выхода нет». Роман слушал, поддакивал, ставил подпись – и рука его не дрожала. Теперь начиналось настоящее: хирургическое вмешательство. Появилась цель. Чудовищная, да – но чёткая, осязаемая.

Роман сам был врачом-рентгенологом, когда Ксения впервые переступила порог его кабинета для МРТ. Приступ клаустрофобии, смешанный с тёмным, необъяснимым предчувствием, вырвал её из тесного тоннеля аппарата – исследование так и не состоялось. Но в тот сбитый, тревожный миг она встретила своего будущего мужа.

Роман понимал всё с самого начала: и холодный блеск скальпеля предстоящей операции, и призрачные шансы, выцветающие в свете медицинских мониторов. Он, видевший слишком много безжалостных снимков и безрадостных исходов, слишком хорошо читал безмолвный язык диагнозов. И вот теперь в жестокую ловушку страшного вердикта угодила не просто пациентка – его собственная любимая, свет его жизни, пойманная в капкан собственного тела.

Перед операцией ему разрешили на пять минут зайти к ней. Он стоял у койки, глядя на лицо, искажённое трубкой аппарата ИВЛ, на синеватые веки, на хрупкое тело, опутанное проводами и датчиками. Он взял её руку – ту самую, холодную днём, теперь неестественно тёплую от лекарств. «Борись, малыш, – прошептал он, сжимая её безответные пальцы. – Я здесь. Всё будет отлично». Он не знал, слышит ли она, но сказать это было необходимо – последний мост, отчаянно перекинутый в ту непроглядную темноту, где она теперь пребывала. Медсестра мягко коснулась его локтя, и он вышел, ощущая на ладони призрачное, ускользающее тепло её кожи.

Операционная поглотила её ровно в семь утра. Двери закрылись, зажёгся красный сигнал «Не входить». Теперь начался новый отсчёт – часов, минут, мучительных веков. Роман стоял в пустом предоперационном коридоре, прислонившись лбом к ледяному стеклу. На улице просыпался город: ехали машины, шли люди по своим неотложным делам. Мир раскололся надвое: там, за этой стерильной стеной, решалась судьба его вселенной, а здесь, снаружи, жизнь про-

должала свой бессмысленный и равнодушный ход. Он закрыл глаза и ждал. Больше ему ничего не оставалось.

Судьба дала двум влюблённым шанс на спасение. Операция Ксении прошла успешно, она выжила – но впереди лежала долгая и трудная реабилитация.

Первые сутки после операции Ксения провела в реанимации. Роман дежурил у дверей, ловя каждый взгляд выходящих медиков, читая новости в их уставших лицах. Главный нейрохирург вышел к нему ближе к вечеру, сняв шапочку. «Клипс стоит. Кризис миновал. Теперь всё зависит от её организма и от времени». Эти слова прозвучали как высочайшее благословение. Враг был обезврежен, поле боя осталось за ними – но цена победы оказалась непростой.

Её перевели в палату на третий день. Сознание возвращалось обрывочно, ключьями: она узнавала Романа, пыталась улыбнуться, но тут же тонула в глубоком, медикаментозном сне. Правая сторона тела не слушалась, движения были скованными и неуверенными, речь – замедленной, словно губы не успевали за мыслью. Врачи говорили, что это ожидаемо: мозг, перенёсший кровоизлияние и такое вмешательство, восстанавливается медленно, по своим неумолимым законам.

Роман взял отпуск. Его миром стала эта палата с бежевыми стенами, запахом антисептика и мерным писком аппаратов. Он кормил её с ложечки, помогал физиотерапевту проводить упражнения, учил заново сжимать его пальцы своей ослабевшей рукой. Иногда, поймав её потерянный, испуганный взгляд, он видел в нём отголоски той самой клаустрофобии – теперь она была заточена в собственном теле. Но в другие моменты, когда Ксения упрямо, по слогам, произносила его имя, в её глазах вспыхивал прежний, знакомый до боли огонёк.

Он вёл тетрадь, куда скрупулёзно записывал каждый шаг: «Сегодня сама держала кружку», «Произнесла короткое предложение», «Шевельнула пальцами ноги». Эти сухие строчки были для него хроникой титанического сражения, которое она вела изо дня в день. Врачи предупреждали: путь будет долгим, возможны и откаты, и периоды отчаяния. Но теперь у них было то, чего не было в первые страшные часы, – время. И каждая его минута наполнялась тяжёлым, но осязаемым трудом надежды.

Вечерами, когда Ксения засыпала, он выходил в больничный двор. Сигарету он бросил ещё в день операции, поэтому просто стоял, глядя на освещённые окна их этажа. Там, в одной из этих комнат, спала его жена – выжившая, раненная, но живая. И в холодном ночном воздухе висел уже не вопрос «почему», а простой, невероятный факт: она здесь. Завтра снова начнётся их общая работа по возвращению её в мир – шаг за шагом, слово за словом.

Год борьбы за здоровье, год её реабилитации – это мало или много? Это кропотливый, ежесекундный труд, где борется не только тело, но и психика. Это минуты отчаяния, когда хочется всё бросить, но это и сила воли, рвущаяся к жизни и победе над болезнью. И вот врачи посоветовали Роману и Ксении сменить обстановку – уехать в санаторий, а лучше к морю. Она выбрала балтийский берег Калининграда. Роман понимал: это её осознанный выбор. Сам он склонялся к Чёрному морю, но нейрохирург одобрил именно её вариант – санаторий у Балтики был идеален для реабилитации после обширного субарахноидального кровоизлияния. Выбор оказался превосходным. И они начали готовиться к поездке.

Прошёл ровно год с того рокового случая, и вот они, счастливые, выкарабкавшиеся из той тёмной полосы, отдыхали в калининградском санатории. Год, что отделял их от прошлого, был прожит не просто – он был завоеван. И теперь, омытые балтийским ветром, они вдыхали покой и ценили каждый миг этого хрупкого, подаренного судьбой спокойствия. Ксения, ещё не вполне окрепшая, но уже с живым огоньком в глазах, сидела в плетёном кресле на террасе, укутанная в мягкий плед. Роман наблюдал, как она смотрит на сосны, и в её взгляде таилась новая, глубокая задумчивость. Он понимал: та ночь навсегда изменила не только их жизнь, но и самую суть Ксении. Она теперь реже говорила о том, что видела и чувствовала в беспмятстве, но он улавливал в ней тихие, почти неуловимые отголоски того провала во тьму.

Санаторий «Янтарное время» стоял на высоком дюнном берегу, в кольце вековых сосен. Приземистое, солидное здание из кёнигсбергского кирпича было щедро увито плющом, отчего казалось, будто сама земля тянется, чтобы обнять эти старые стены. От главного корпуса к морю спускались аккуратные дорожки, посыпанные жёлтым песком и пролежавшие меж куртин роз и лаванды. Воздух здесь был особым – густым, солёным от моря и хвойно-смолистым от леса, два дыхания, смешивавшиеся в один целебный бальзам.

Терраса, где они сидели, была просторной, подпираемой тяжёлыми деревянными колоннами. Пол, выстланный дубовыми плахами, слегка пружинил под ногами. По утрам его мыли морской водой, и до самого вечера от древесины тянуло влажной прохладой и лёгким, аптечным запахом йода. Кресла – плетёные, с толстыми подушками в белоснежных чехлах – были расставлены так, чтобы каждый мог уединиться с видом на бесконечную, серо-стальную полосу Балтики.

Жизнь здесь текла по заведённому, неспешному ритму, отмеряемому звонками к процедурам и приёмам пищи. В коридорах стойко пахло варёной рыбой, воском и лекарственными травами. Гулкие холлы украшали макеты парусников и выцветшие гравюры с видами старого Кёнигсберга. Тишину нарушали лишь скрип дверей, мерные шаги медсестёр и далёкий, убаюкивающий гул прибоя – ровный, как дыхание спящего великана. Это место не сулило веселья; оно предлагало покой – прочный, фундаментальный, вросший в самую плоть земли.

– Той женщиной из моих поисков была Наталья Кирилловна, – тихо, словно продолжая внутренний диалог, заговорила Ксения. – Её будущий второй супруг, Николай Васильевич, был близким другом тех самых братьев-часовщиков, Бутеноп. Но история её началась куда раньше этого брака. Ей было двадцать восемь лет, она осталась вдовой с ребёнком на руках, когда встретила Сергея. Родом из богатой дворянской семьи, она потеряла первого мужа на войне. Они прожили вместе недолго, но от того союза остался сын – Дмитрий, Митя, шести лет от роду, мальчик не по годам смыслённый, у которого были прекрасные гувернёры и учителя из-за границы. В Москву, где они с сыном проживали, как-то явились сватать за неё почтенного человека – того самого Николая Васильевича, друга братьев Бутеноп. А Натали уже была тайно влюблена. Никто не ведал об этом романе. Для всех она была лишь вдовой, к которой посватался достойный человек.

Она помолчала, собираясь с мыслями. Роман бережно взял её руку – тёплую, нежную.

Ксения продолжала рассказ, и слова её лились плавно, словно шелест страниц старой книги, сплетаясь в причудливый узор воспоминаний. Голос её то опускался до почти шёпота, заставляя супруга затаить дыхание, то вновь обретал лёгкую, переливчатую звонкость. Казалось, она не просто говорила – она рисовала в воздухе невидимые картины, и каждая деталь,

каждая интонация были выверены, как штрихи на полотне мастера. Продолжение её истории захватило его без остатка, окутав тишиной, полной ожидания.

– Сергей был моложе Натальи Кирилловны на десять лет, юный корнет, только что выпущенный из Пажеского корпуса. Всё было против них: её положение, его семья, светские условности. Но это была не просто страсть. Это было узнавание. Она говорила, что в его присутствии время меняло ход, словно в тех сложных механизмах её друзей-часовщиков. Он видел в ней не просто даму из общества, а душу, жаждущую познания, что было редкостью для женщины её эпохи. Их тайные встречи, украденные часы в оранжерее или на пустой даче, были наполнены разговорами о философии, о звёздах, о музыке сфер. Он читал ей стихи, которые писал только для неё.

Их страстные часы не были игрой. Это было низвержение в стихию – молчаливое и неистовое. В украденных комнатах, отдававших пылью и застоявшимся запахом прошлого лета, условности сторали дотла. Его юношеская, почти отчаянная стремительность встречала её зрелую, сознательную отдачу – и в этом столкновении рождалась третья сила, неудержимая и самовольная.

Он сбрасывал мундир с такой торопливостью, что пуговицы, звеня, скатывались на пол. Её платья, эти сложные сооружения из шёлка и китового уса, покорялись его нетерпеливым, но уже умелым рукам. В её медлительности таился не страх, а знание. Знание ценности каждого мига, каждого прикосновения, которое надлежало вырвать из безжалостного потока времени. Она вела его, позволяя вести себя, и в этом танце не было ведущего – лишь единый, слепой порыв.

Его губы обжигали её шею, плечи, вырывая с уст короткие, прерывистые звуки, похожие на стоны или сбивчивую молитву. В её пальцах, впившихся в его тёмные волосы, заключалась вся сила долгого ожидания, вся жизнь, что прошла до него. Они не говорили. Язык тел был красноречивее любых поэтических строк. Он исследовал её не как святыню, но как неизведанную вселенную – каждую родинку, каждый изгиб, шрам от давно забытой детской забавы. И она, что в первом браке не ведала ничего подобного – той мощи, с которой мужчина способен отвечать женскому пылу всепоглощающим, испепеляющим жаром, – теперь отвечала ему с такой жадной, безоглядной отдачей, что сама себе казалась чужой и незнакомой. В эти мгновения её охватывало глубинное, почти первобытное наслаждение от полного слияния с ним.

В тишине опустевшей дачи слышалось лишь прерывистое дыхание, скрип старых половиц да отдалённый крик ночной птицы. Жар их тел сливался в один трепетный, живой комок. В его объятиях она не ощущала разницы в годах – лишь встречу двух голодных, наконец нашедших пищу душ. Страсть была не только плотью. Это был полный крах всех преград: социальных, возрастных, душевных. В эти часы она была не княгиней, а просто Натальей. Он – не корнетом, а Сергеем. Лишь именами, очищенными от всяких титулов.

Он бывал порывист и неосторожен, но она смягчала его порывы, направляла, и от этого его восторг лишь возрастал. Потом, в миг полного изнеможения, когда мир расплывался в мареве, он приникал к её груди, и она, глядя его влажные виски, чувствовала странный сплав женской нежности и всепоглощающей страсти любовницы. Это было слияние, в котором все возрасты и все роли теряли смысл.

Затем наступала тишина. Они лежали, сплетённые, прислушиваясь к отступу крови в висках. И лишь тогда возвращались слова – шёпотом, губами, прижатыми к вспотевшему плечу. Он бормотал обрывки стихов, только что рождённых в нём от её прикосновений. Она говорила о звёздах, видимых в щель ставня, сравнивая их мерцание с пульсацией в собственной крови. В эти мгновения страсть, переплавившись, вновь становилась тем самым «узнаванием» – но теперь полным, завершённым, запечатлённым не только в духе, но и в самой плоти. И было ясно, что назад пути нет.

Однако роковым в этой истории стал не скандал, а любовный роман, вспыхнувший между вдовой и молодым корнетом – он был младше её на целое десятилетие. Сергей погиб на дуэли из-за пустяковой ссоры в карточной игре, даже не успев проститься. Для Натальи Кирилловны время остановилось тогда. Часы, которые она заказала у братьев Бутенов в память о нём, были не просто точным механизмом. В них был сокрыт секрет: крошечный портрет Сергея под циферблатом, который можно было увидеть, лишь нажав на скрытую пружинку в определённый час – час их последней встречи. Вся её дальнейшая размеренная жизнь с добрым Николаем Васильевичем была данью памяти и долгу. А настоящая жизнь, та, что с сердцебиением и полётом, осталась в прошлом, запертая в тиканье того часового механизма.

Ксения вздохнула, и её глаза блеснули влажным блеском. – В реанимации... мне казалось, я тону в темноте. А потом я увидела её. Не призрак. Скорее, ощущение. И она будто показала мне эти часы. Не лицо, не голос – просто знание, что любовь, даже потерянная, становится частью тебя, как шестерёнка в механизме. И ломает тебя, и заставляет двигаться дальше. Я искала её историю, а нашла... понимание.

– Нам нужно найти эти часы, они здесь, где-то в окрестностях Калининграда, – сказала Ксения Роману, и голос её звучал как шёпот морского ветра. – Потому мой выбор и мой путь к исцелению привели меня именно на этот балтийский берег. Здесь стоит дом, где гостили Наталья Кирилловна и Николай Васильевич; здесь же она их и потеряла. И ещё одна важная деталь, – продолжала Ксения, глядя в глаза Роману, супругу, которого любила безмерно и которому была благодарна за любовь, за заботу, за то, что он буквально вытащил её с того света после третьей клинической смерти.

А поскольку она, Ксения, – потомок княгини Натальи Кирилловны, то и эти часы, их механизм, и заклинания, начертанные на оправе, несут на себе не просто проклятие – они несут в себе самую суть слов мастера и бьют именно по ней, по Ксении. Нужно разорвать этот порочный круг, отпустить дух княгини Натальи Кирилловны туда, где все мы окажемся рано или поздно.

В реанимации княгиня, едва слышно шевеля губами, прошептала Ксении: «Найди часы... Раскрой тайну, сокрытую от меня супругом моим, Николаем Васильевичем. Лишь тогда освободишь и меня, и себя от проклятия, что наложил на нас часовщик, их создавший...»

Им, Роману и Ксении, предстоит разгадать загадку часов, проникнуть в тайну слов и заклинаний, что вложил в них часовщик – один из братьев Бутенов.

Роман молча обнял её. Он, человек науки, доктор-рентгенолог, не мог объяснить, что произошло с его супругой – эти видения в моменты клинической смерти там, в реанимации. Но он видел, как эта странная, давняя история помогла Ксении собрать воедино осколки собственного «я» после болезни.

– Мы справимся, любимая, – сказал Роман. – И мой малыш наконец-то полностью выздоровеет, – произнёс он с бездной нежности.

Роман присел рядом, опустившись на корточки. Она улыбнулась, и в её глазах вспыхнули искорки:

– Мы с тобой, любимый, проведём миллионы страстных ночей, и я подарю тебе дочку.

Роман посмотрел на неё серьёзно:

– Я только за. Но доктор пока запретил, – строго сказал он жене. – А знаешь, малыш... – он всегда её так звал, – мне кажется, отыщутся часы. И разгадка, что там написано. И ты, моя любимая, будешь полностью здорова.

– Ну поцеловать-то можно? – игриво спросила она.

Роман поцеловал её – мягко, бережно, как драгоценность.

– У нас всё получится. Не переживай, малыш мой родной.

Она крепко сжала его руку. Какое счастье, что они есть друг у друга.

Они сидели в тишине, слушая шум ветра в соснах, похожий на мерный ход невидимых часов. Прошлое и настоящее, боль и исцеление сплелись в единый, хрупкий и прочный узор. Он больше не искал рациональных причин. Он просто держал её руку, чувствуя тёплый, ровный пульс, отсчитывающий их общее, наконец-то подаренное им время.

В груди унимается яростный зной,
Мы тонем в сплетении сонных молитв.
Над пылкой, над грешной земною ценой
Таинство плоти, как полночь, горит.
В изгибы плеча, где испарина звёзд,
Впечатался шёпот и выдох немой,
И в темень летит недостроенный мост
Стихов, что повенчаны светом и тьмой.

Не мстите влюблённым – в них рок и печать,
Их страсть – неизбежный и древний канон.
Балтийский песок – как веленье молчать,
И маятник сердца, что бьёт в унисон.
Не шлите проклятий в седые века,
Дано не любому в безумье дышать:
Когда за спиною не тень, а река,
И верный маршрут – во тьме исчезать.

Ты ловишь свеченье в надрезе окна,
Как пульс, что колотит под нежной кожей.
Нам чаша познания до капли полна,

На высшее «узнаванье» это похоже.
В тигле алхимии – дух и прилив,
Где плоть переплавилась в чистую суть.
И нет поворотов, мир снова един,
И сладкие узы указывают путь.

Подарок – часы, что застыли во мгле,
Как проклятый дар из иных измерений.
Мы путаем нити на этой земле,
Сжигая в углу горечь прежних сомнений.
Оставим в прошедшем обиду и месть,
Стирая следы от тяжёлых шагов.
История – высшая правда и весть —
Выходит из тени, лишаясь оков.

Путешествия не линяют с годами. Чёрно-белый кот и старушка с рюкзаком

На следующее утро, после первого за ночь крепкого сна Ксении, они вышли к морю. Воздух был прохладен, прозрачен и густо пропитан дыханием соли и сосновой смолы. Балтика лежала перед ними свинцово-спокойная, едва тронутая лёгкой, зыбкой рябью. Они шли молча, пальцы сплетены, и лишь мерный шум прибоя нарушал хрустальную тишину.

На повороте тропинки, у старого, корявого валуна, они увидели её. Невысокая, необычайно прямая старушка в практичном ветровочном костюме песочного цвета и с неожиданно модным пенсне на тонком шнурке. За плечами у неё красовался походный рюкзак, из-под отогнутого клапана которого выглядывала чёрно-белая, невозмутимая морда кота. Тот внимательно, без тени животной робости, разглядывал подошедшую пару.

– Доброе утро, – первым, вежливо кивнув, поздоровался Роман.

– И вам не хворать, – бодро откликнулась старушка, и её взгляд, острый и светлый за стёклами пенсне, скользнул с Романа на Ксению. На её лице он задержался на долю мгновения дольше. – Прекрасное утро для прогулок. И для находок.

Ксения почувствовала, как по спине пробежал лёгкий холодок – не от морского ветра.

– Находок? – переспросила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– О, да, милочка. Берег здесь щедр на сюрпризы. То янтарь выбросит, то осколок старого фарфора, а то и вовсе что-то... с историей, – старушка поправила пенсне, и в её голосе зазвучал отчётливый питерский акцент. Кот в рюкзаке тихо мурлыкнул, будто вторил её словам. – Вы, я вижу, не местные. Ищете что-то конкретное или просто душу проветриваете?

Роман и Ксения переглянулись. Молчание длилось секунду, но старушка его не прервала, молчаливо ожидая ответа, и в этой терпеливой внимательности было что-то ненавязчиво значительное.

– Мы... ищем одну вещь, – наконец тихо сказала Ксения. – Старинные часы. Они могут быть где-то здесь.

Вчера, гуляя по берегу, мы обрели старинные часы. «Роман, конечно, обманул ту незнакомку, вторил он мыслям супруги. – Ксюша прямолинейна, не стоит всем раскрывать ни нашу историю, ни истинную причину приезда». Главная цель, конечно, – здоровье его девочки. Но часы необходимо найти – лишь они снимут заклятье. Да и старушка та была подозрительной, будто сошедшей со страниц сказки, ничуть не похожей на прочих постояльцев санатория.

Лицо почтенной дамы озарилось понимающей, почти внутренней улыбкой.

– Часы... Время оно, знаете ли, штука упрямая. Его не спрячешь и не выбросишь. Оно всегда где-то тикает. Меня, кстати, Марта Ивановна зовут. А это мой компаньон, Безель. – Она потрепала кота за ухом, и тот прикрыл глаза от удовольствия. – Я тут окрестности знаю как

свои пять пальцев. Старые дачи, развалины... Люблю историю. Не ту, что в учебниках, а ту, что в земле лежит и в стенах домов зашифрована. Если хотите, могу кое-что показать. После завтрака, разумеется.

– Приятно познакомиться, – сказал молодой человек. – Позвольте представиться: Марта Ивановна, и, конечно же, Безель... Какое роскошное и редкое имя! Меня зовут Роман, а мою супругу – Ксения.

– Ничего в нём редкого, – может, для кота только. – А вот в часах есть такая деталь: безель, – продолжала Ксения, и её голос вдруг приобрёл бархатистую, заговорщицкую глубину. – Его ещё люнетом или рантом зовут. Это просто ободок вокруг циферблата, фиксирующий стекло на месте. Но представьте себе не просто ободок, а тончайшую грань между мирами. Он – страж, удерживающий хрупкую сферу времени от распада, от просачивания вечного хаоса. Стекло – наше восприятие, текучее, зыбкое, подверженное искажениям. Безель же – твёрдая воля, чёткий контур, не позволяющий реальности растечься.

Изначально он служил лишь утилитарной цели, но разве не в простом кроется самое сложное? Вращающийся безель – это не просто шкала. Это порог. Каждый щелчок при его повороте – мягкий стук в дверь, ведущую в иное измерение времени. Можно зафиксировать момент старта, но куда ты стартуешь? В прошлое, которое ещё не отпустило, или в будущее, что уже поджидает в тени? Он обрамляет не цифры, а целые вселенные, сжатые в каждом делении. Взгляните – он кружит вокруг солнца-циферблата, как планета на незримой орбите, подчиняясь законам, неведомым стрелкам.

В этой простоте – не только гениальность, но и ключ к разгадке. Безель – магический круг, начертанный вокруг источника времени. Он не даёт энергии рассеяться, концентрируя её внутри, подобно алхимической реторте. Через это стекло, что он так надёжно держит, мы вглядываемся в механизм судьбы, тикающий своими шестерёнками. Но сам безель – молчаливый страж, непричастный к вечной гонке. Он – наблюдатель и хранитель. Он ведаёт начало и конец круга, но никогда не выдаст тайны, лишь намекнёт едва уловимым блеском металла под светом звёзд.

И сколько функций у этого, на первый взгляд, простого ободка! Он отмеряет не только минуты или глубину. Он отмеряет дистанцию до чуда, до поворота сюжета, до той самой точки невозврата, после которой всё щёлкает на свои места. Он – тихая магия порядка в царстве хаоса, рамка, превращающая поток событий в законченную картину. Ваш кот, Марта Ивановна, носит имя этой самой границы. Возможно, и он удерживает что-то хрупкое в целостности. Или наблюдает, как вращается мир вокруг, понимая каждый тихий щелчок судьбы.

– Приятно познакомиться, Марта Ивановна, и, конечно же, с вашим почтеннейшим котом Безелем, – учтиво произнесла Ксения.

Предложение Марты Ивановны было заманчивым. Роман – скептик, ладно, Ксения – она обожает всю эту мистику, всё, что связано со временем. Но тут – её собственный супруг – оказался втянут в круговерть под названием «время». Марта Ивановна говорила легко, без намёка на давление, однако её слова повисли в воздухе явным знаком, почти что ответом на неозвученный вопрос. Роман, вечный осторожный, на сей раз почувствовал необъяснимое доверие к этой странной паре – женщине и коту.

– Мы будем вам несказанно благодарны, Марта Ивановна, – произнёс он твёрдо и почтительно. – Мы остановились в том самом санатории, что называется «Янтарное время».

– Знаю, – кивнула она, и это «знаю» прозвучало так же естественно, как шум прибоя. – Встретимся здесь же через три часа. Безель тоже обожает прогулки с целью. – С этими словами она легко поправила лямки рюкзака и тронулась дальше по пляжу, её прямой силуэт быстро таял в перламутровой утренней дымке.

Ксения сжала руку Романа.

– Ты чувствуешь? – прошептала она.

– Да, – просто ответил он. – Она что-то знает. Или чувствует. Как и ты.

Они повернули назад, к зданию санатория, но теперь в своём поиске они больше не чувствовали одиночества. Встреча с Мартой Ивановной и её котом, носившим загадочное имя Безель, казалась уже не случайностью, а ещё одной шестерёнкой, которая, мягко щёлкнув, встала на своё место в таинственном механизме их судьбы. Даже балтийский ветер в соснах звучал теперь иначе – не как элегия об утраченном времени, а как прелюдия к разговору, который вот-вот должен был начаться.

Над Балтикой, где туман и бирюза
Сплетаются в холодном полотне,
Там пена волн, как шёпот, чуть жива,
И янтари горят в морском наряде.
Мелькает время в стёклышках пенсне,
Там каждый блик – истории страница,
Как будто в этом странном, долгом сне
Решила вечность в даме воплотиться.

Ступает в золочённый полумрак,
Презрев года, изящная мадам,
И за спиной её – потёртый рюкзачок,
В нём кот Безель плывёт по облакам.
Он – старый часовой, седой мудрец,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.